

Глава 8. Жена Бао Шуйшэна заявляется с криками

Жилище старика Чэня жалось к отвесной стене старой каменоломни: одна половина дома стояла на открытом месте, другая — уходила вглубь скалы. Снаружи домик казался тесным, но внутри было просторно и светло. Комнату украшали столы и стулья, искусно вырезанные из каменных плит, — работа тонкая, затейливая.

Управляющий Ли с интересом задержался у входа, разглядывая убранство. Старик Чэнь, заметив это, поспешил пояснить:

— Сам резал, когда помоложе был. Сейчас-то я уже старей, твердости в руках нет, как прежде.

— И сейчас работа выглядит достойно, — похвалил Управляющий Ли. Он указал на Цуй Яна: — Мы только что были у господина Цуя, видели плиты в его дворе. Отлично вытесаны.

Те плиты в свободное время тесал Лу Фэн, и старик Чэнь, обходя каменоломню, не раз это видел. Сказать он ничего не мог — парень работал в часы отдыха, — но сейчас, услышав похвалу от такого важного гостя, старик растерялся. Цуй Ян тут же подал ему знак: «Принимай похвалу на свой счет!»

Старик Чэнь быстро сообразил, в чем дело, и расплылся в улыбке:

— Пустяки, уважаемый управляющий, вы мне льстите.

Ли Линь лишь усмехнулся, не развивая тему. Хозяин усадил гостей на почетные места. Женщина внесла поднос с чаем, и старик Чэнь лично подал чашку Управляющему Ли. Цуй Ян пригубил напиток — настой оказался отменным Лунцином.

Чай был не из ранних весенних сборов, но для его приготовления явно отобрали самые нежные почки — настой сохранил изумрудный цвет. Обычно Лунцин долго не хранится: за полгода мартовский чай портится, желтеет, если только не держать его в ледяном погребе. В каменоломне льда, конечно, не было, так что секрет, вероятно, крылся в прохладе горных пещер.

Цуй Ян решил не торопить события — с тайной пещер он разберется позже, сейчас нужно было довести дело до конца. Он взглянул на Управляющего Ли, давая сигнал переходить к сути.

Управляющий Ли поставил чашку на стол и обратился к старику:

— Плиты ваши мне по душе. Как раз в нескольких наших лавках нужно сменить полы, а господин Цуй очень вас рекомендовал. Думаю, закажем у вас.

Старик Чэнь едва не лишился дара речи. Лавки «Чжэньпиньцзай» он видел: огромные помещения, каждое размером с пять обычных лавок. Они были повсюду — и в городе, и в уездах Шаньнань и Шаньинь, не говоря уже о тех, что за пределами префектуры Юэчжоу. Говорили, что в Цяньтане и Госу их заведения занимают по половине улицы.

Стать поставщиком для такой сети — всё равно что поймать за хвост золотого дракона.

— Я... мы... — заикался старик, не в силах связать и пары слов.

— Что такое? Не возьметесь? — приподнял бровь Управляющий Ли.

— Возьмемся! Конечно, возьмемся! — поспешно выкрикнул Чэнь, отбросив все сомнения.

— Коль беретесь, то уговоримся сразу, — продолжал Управляющий Ли. — Мы ведем дела не так, как другие. Первым делом — цена...

— О цене не беспокойтесь! — перебил старик. — Работа с вашим домом — лучшая реклама для нас. Я готов поставлять плиты даром, лишь бы числиться вашим партнером!

Он уже видел, как на волне успеха у него не будет отбоя от покупателей. Управляющий Ли про себя посмеялся над такой наивностью, но виду не подал:

— Мы дорожим честью и в расчетах честны. Раз покупаем — значит, платим. Я расспросил господина Цуя: цены у вас божеские, а возить товар придется в город. Дам я вам вот столько.

Ли Линь на пальцах показал сумму — чуть больше той, что платил Цуй Ян, но ниже рыночной цены на камень. Старик Чэнь просиял: «Сразу видно — солидный торговый дом, не обидят».

— Согласен! Цена хорошая.

Управляющий Ли задумчиво покрутил кольцо на пальце:

— Сделку оформим по нашему уставу. Задаток — как и везде, одна десятая. После приемки всей партии выплатим еще четыре части. Через год — три, а остаток в две десятые будет удержан на три года в качестве гарантии качества. Идет?

Эти условия немного отличались от тех, что были у Цуй Яна, но не выходили за рамки обычного дела. Старик Чэнь знал, что крупные городские воротилы всегда страхуются подобным образом.

— Идет! — кивнул он.

— Тогда составим предварительный договор, — Управляющий Ли глянул на Цуй Яна.

Цуй Ян вышел и позвал счетовода, ожидавшего снаружи. Счетовод зашел, разложил на столе письменные принадлежности, растер тушь и под диктовку управляющего принялся водить кистью по бумаге. Старик Чэнь стоял рядом, едва дыша от восторга. Когда он услышал, что заказ на плиты сразу для пяти лавок, сердце его забилось чаще — куш выходил в восемь раз больше, чем от сделки с Цуй Яном.

— Я сейчас же позову посредника! — воскликнул он, как только счетовод закончил. В деревне Пиньян как раз жил один такой.

— Не спешите, — осадил его Управляющий Ли. Он протянул бумагу старику: — У нас порядок строгий: договор должен одобрить главный владелец. Вы пока прочтите, всё ли верно указано.

Старик Чэнь подвоха не почуял. Он знал грамоту — во всяком случае, цифры читал бойко. Просмотрев бумагу несколько раз, он кивнул:

— Всё верно. — Но тут же замялся, чувствуя неуверенность. — Но без печати-то... на душе беспокойно. Нельзя ли как-то...

Ли Линь понял его без слов. По знаку управляющего счетовод отсчитал пять лянов серебра.

— Это вам на покрытие расходов. В течение трех дней я пришлю основной договор и остаток задатка.

Увидев блеск чистого серебра, старик отбросил последние сомнения. Расплывшись в улыбке, он проводил Ли Линя до ворот, осыпая Цуй Яна благодарностями:

— Огромное спасибо, господин Цуй! Выручили, век не забуду!

Цуй Ян усмехнулся:

— С такой-то прибыли, старик, какой мне процент полагается?

Старик Чэнь на мгновение осекся. Совсем недавно он разругался с Лу Фэном из-за комиссионных, и сейчас, на виду у всех рабочих, побоялся обещать долю открыто — вдруг пронюхают и снова начнут требовать свое. Цуй Ян видел его насквозь. Сохраняя на лице благожелательную улыбку, он махнул рукой:

— Да ладно, ты мне дом починил на совесть, так что обойдемся без процентов. Но помни одно... — голос Цуй Яна стал серьезным. Он указал на уходящего Ли Линя: — Его лавки связаны с моим делом. Не вздумай подсунуть дрянь вместо камня, не позорь меня перед

людьми.

— Что вы! Выберем самое лучшее! — горячо заверил старик.

Их уже окружили каменщики. Многие помнили, как несколько дней назад Цуй Ян обещал восстановить справедливость для Лу Фэна. В головах у людей не укладывалось: «О каких процентах речь? Он же вроде за Лу Фэна вступаться собирался, а теперь сам заказы старику подгоняет?» Они то и дело косились на парня.

Лу Фэн, молодой и бесхитростный, тоже не понимал замысла Цуй Яна. Подозревать друга в дурном он не хотел, а потому лишь молча проглотил обиду и, дождавшись конца смены, отправился домой.

Едва переступив порог, он замер: в доме явно кто-то рылся — дверцы ларя были распахнуты, крышка кадки с мукой сдвинута. Матушка сидела на краю кровати и, как обычно, заговорила с ним ласково, но Лу Фэн заметил, что рукав ее кофты надорван. Она пыталась прикрыть дыру рукой, но лоскут ткани всё равно предательски выбивался.

— Мама, что случилось? — сразу спросил Лу Фэн, и он стал суров.

Данян Лу долго отнекивалась, но под напором сына сдалась:

— Жена Бао Шуйшэна приходила.

Та самая баба, которая днем в компании деревенских кумушек громче всех орала про долги и повышение аренды. Характер у нее был вздорный, а язык — без костей. В прежние годы, когда семья жила лишь грошами, что матушка выручала шитьем, они старались с ней не связываться. Стоило той заверещать — на ее крики сбегалась вся деревня, и соседи, не разбирая, кто прав, вставали на сторону односельчанки, оставляя Данян Лу без заказов.

Последние годы, когда Лу Фэн устроился в каменоломню, матушка оставила шитье, и нужда в поклонах отпала. К тому же Лу Фэну удалось узнать о хозяйке кое-что такое, отчего та притихла. Но почему сегодня она снова осмелела — ворвалась в дом, перевернула вещи, подняла руку на мать?

Обида, копившаяся весь день в каменоломне, вспыхнула в груди Лу Фэна яростным пламенем.

— Я к ним схожу, — глухо бросил он.

Матушка хотела остановить его, но было поздно: хозяйка уже сама стояла на пороге. Она караулила у ворот и, завидев Лу Фэна, тут же отставила миску с едой и бросилась в атаку.

— Парень Лу! Срок вышел, гони деньги за жилье! — проорала она с порога.

По правде говоря, они действительно задолжали, но уговор был такой: задержка на полмесяца стоит лишних пяти вэней. До крайнего срока оставалось еще три дня.

— Срок через три дня, — отрезал Лу Фэн. — Получу расчет в карьере — отдам.

— Тьфу на тебя! Не прибедняйся! — хозяйка уперла руки в бока. — Я всё прознала: за те плиты, что пошли на ремонт дома пристава Бао, тебе процент полагается. Ремонт месяц как закончен, деньги у тебя есть, а ты мне тут голову морочишь, за двадцать дней аренду тянешь!

Она обернулась к матушке и зашлась в крике:

— Так-то ты сына воспитала? Я к ним со всей душой, пожалела сирот, позволила долги копить! Да чтоб я еще раз на такое пошла! Нам в деревне каждый медяк кровью дается, а вам, видать, наплевать на чужой труд. Бессовестные! Век тебе вдовой куковать, нелюди!

— А ну повтори! — взревел Лу Фэн, шагнув к ней. Он помрачнел от гнева.

Задержка не была их прихотью, а лишние пять вэней — хоть и мелочь, но отдавать их сверх меры не хотелось. Всё это было частью мелкой игры самой хозяйки. У той была суровая свекровь, державшая все семейные деньги в кулаке. Свекровь души не чаяла в младшем сыне: тот, дескать, выбился в люди, в городе устроился, там и траты другие — вот она его и подкармливала. А старшей невестке советовала не завидовать: мол, брат в гору пойдет — и вам поможет.

Жена Бао Шуйшэна от злости дымилась, но сделать ничего не могла — силенок против свекрови не хватало. Вот и начала она подворовывать из арендных денег Лу Фэна. Уговаривались на сто пятьдесят вэней в месяц, но свекрови она отдавала на двадцать меньше, а Лу Фэну позволяла задерживать оплату, чтобы за лишние пять вэней наполнять свой тайный кошелек.

Семья Лу терпела это только потому, что дешевле двухсот вэней жилья в деревне было не сыскать. Они хранили ее тайну, и обычно баба вела себя тише воды, но сегодня ее будто бесы попутали.

— Мы договорились, и ты свою выгоду получила, — сквозь зубы процедил Лу Фэн.

— Выгоду?! Да по сравнению с тем, что ты загреб, мои гроши — слезы одни! Обделили меня!

Чем больше она об этом думала, тем сильнее ее душила жадность. Сколько сил она тратила, чтобы выкроить эти несчастные монеты под носом у свекрови! А если та узнает — ведь муж, не задумываясь, выдаст ее матери, и тогда побоями дело не обойдется.

Лу Фэн, которого задели за живое, холодно усмехнулся:

— Значит, на чужие деньги заришься? Так я тебе прямо скажу: нет никаких комиссионных. Торговец сушеной рыбой сам обо всём договорился, мне ни гроша не перепало. А будешь донимать — я с тобой по-другому поквитаюсь. За твою конуру я плачу сто пятьдесят...

— Лу Фэн, замолчи! — резко оборвала сына Данян Лу.

Цифра «сто пятьдесят» была их единственным оружием против хозяйки. Тайна сильна, пока она в тени; стоит ее выкрикнуть — и она станет пылью. Матушка, хоть и была простой женщиной, понимала это лучше сына.

Осадив Лу Фэна, она повернулась к хозяйке и заговорила тихим, вкрадчивым голосом:

— Нет у нас таких денег, не слушайте злых языков. Всем сейчас несладко, к чему нам лаяться? Только соседей смешить.

При звуке суммы «сто пятьдесят» жена Бао Шуйшэна так и обомлела. Спесь с нее слетела вмиг, уступив место липкому страху. Лишь когда Данян Лу вовремя заткнула сыну рот, хозяйка смогла вздохнуть свободнее.

— Ладно уж, — пробурчала она, пятаясь к дверям. — Три дня погоды не сделают. Но если через три дня денег не будет — вышвырну на улицу!

Она выскочила за порог, споткнулась о камень и в сердцах пнула его ногой, трижды сплюнув через плечо:

— Тьфу, нелегкая принесла! Сплошная морока с вами!

Лу Фэн всё еще кипел от ярости, готовый сорваться на крик, но матушка властно остановила его. Она посмотрела сыну прямо в глаза и строго спросила:

— Лу Фэн, говори правду: что стряслось в каменоломне?

<http://bllate.org/book/17486/1709432>